

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ПАДЕЖЕЙ И ИХ ТАК НАЗЫВАЕМОМ ЦЕЛОСТНОМ (ОБЩЕМ) ЗНАЧЕНИИ И ЛОКАЛЬНОСТИ

реализацию управления глагола. Это касается некоторых случаев со вторым сказуемым к дополнению. На основе упомянутого вывода граница между вторым сказуемым к дополнению и дополнением выявляется достаточно четко: дополнение как объект действия глагола-сказуемого является компонентом интенционной структуры и, как таковой, охватывает *все* случаи, представляющие собой реализации управления²⁴ (причем это управление может быть и двойным²⁵). Этим дополнение отличается от второго сказуемого: то, что представляет собой реализацию управления и, следовательно, относится к конечному компоненту интенционной структуры, не может быть вторым сказуемым, оно может быть только дополнением. И с другой стороны, выражение, которое выступает в предложении в функции второго сказуемого, не может быть проявлением управления глагола-сказуемого. Второе сказуемое к дополнению имеет иное отношение к сказуемому (ядру предложения), чем дополнение. В то время как дополнение является показателем управления, второе сказуемое выражает признак этого показателя управления, действительный в тех временных и модальных рамках²⁶, которые обусловлены формой глагола, выступающего в роли сказуемого двучленного предложения или же ядра одночленного предложения.

²⁴ Ср. в «Морфологии словацкого языка»: «С глагольным действием может быть связано несколько зависимых субстанций. Отношение действия к ним не всегда одинаково, что выражается разными формами существительных» (указ. соч., с. 390). (Сходная мысль выражена и на с. 392.)

²⁵ Мы имеем в виду часто упоминаемые случаи типа *pokladať niekoho za blázna // za bláznivého* [«считать кого-л. дураком // глупым [человеком]»].

²⁶ О понятии временных и модальных рамок см.: J. Kačala, *Nieč v slovenčine doplnkovej vedľajšej vety?* — «Slovenská reč», 30, 1965, s. 223—232, 225 и сл.

Цель данной статьи — подчеркнуть принципиальную семантическую значимость падежей, показать, что для чешского и подобных ему языков целесообразно признать несколько (по видимому, пять) семантических типов падежных функций (§ 1), а концепция падежей, основывающаяся на одном из этих типов, была бы односторонней (§ 2), и, наконец, охарактеризовать два типа понимания структуры падежных значений (§ 3).

1. Сравним следующие чешские предложения:

(1) Přítelkyně mé sestry představila muže Vlastě.	«Подруга моей сестры представила мужа Власте».
(2) Přítelkyně mé sestry představila Vlastu muži.	«Подруга моей сестры представила Власту мужу».
(3) Sestra mé přítelkyně představila muže Vlastě.	«Сестра моей подруги представила мужа Власте».

Очевидно, что здесь при помощи падежных форм (далее для краткости: падежей) выявляются существенные различия между ситуациями, а именно кто, собственно, принимал участие в действии «представления» (в частности, в (1) и (2) это не сестра говорящего) и как (кто представлял кого кому)¹. Поэтому не может быть сомнения в том, что в этих и подобных случаях падежи обладают явной семантической значимостью (в смысле известной семиотической дефиниции семантики).

Проблема заключается лишь в том, как эту (или же иную семантическую) значимость падежей определить достаточно общим и при этом точным (и, насколько возможно, «что-то говорящим») способом. Представляется уместным использовать для этого два термина: реляция и член реляции (к толкованиям, оперирующим только первым понятием, или к тем, в которых для этих двух терминов нет приемлемой замены, следует априори-

Pavel Novák, K věcné platnosti pádů, jejich tzv. celostnímu (obecnému) významu a lokalismu. — «Slovo a slovesnost», 35, 1974, № 2, s. 88—95.

¹ Ср.: VI. Smilauer, *Věta*. — В сб. «První hovory o českém jazyce», Praha, 1946, s. 11.

